

125 лет со дня рождения А. Н. Островского

Великий русский драматург

Гордость русского театра

Вот он перед нами в своем любимом халате, стороченном мехом, широколобой, с ясными, умными глазами — такой, каким мы его знаем по портрету работы Перова. Он говорил: «История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными...». То же мы говорим о нем, о его творчестве. Александр Николаевич Островский родился в Москве 12-го апреля 1823 года. Отец его был адвокатом и имел большую домашнюю практику. Александр Николаевич учился на юридическом факультете Московского университета, но не закончив образования, поступил в суд.

Жизнь, нравы, нелепые предрассудки и самодурство замосковецкого купечества, с которыми сталкивался будущий драматург у себя на службе и в адвокатской практике отца — давали неисчерпаемый материал для его творчества.

В 1847 году в «Московском городском листке» появились отрывки первой комедии Островского «Банкрот», позднее переименованной в «Свои люди — сочтемся».

В пьесе драматург изобразил среду, быт и общественные устои, в которых складывались нравы и поступки героев. Не случайно, понадеявшись на «своего человека», купец Большов пытается обмануть кредиторов, не случайно и «свой человек», присвоив чужое имущество, платит своему покровителю черной неблагодарностью. «Не утопишь другого, сам не выплывешь» — таков закон того времени.

Однако русскому купечеству комедия пришлась не «по нутру» и оно отравило на высочайшее имя послание с просьбой запретить «обидную» пьесу. Только спустя много лет (в 1861 году) с изменением по настоянию цензуры финалом комедия «Свои люди — сочтемся» появилась на сцене.

Разрыв с редакцией «Москвитянина» и сближение с революционно-демократическим кружком Некрасова, сотрудничество в его журнале «Современник» оказали благотворное влияние на творчество драматурга.

До этого времени газетные и журнальные критики не могли дать правильной оценки творчеству Островского. Одни из них, такие как А. Григорьев, захлебываясь от восторга, восклицали: «Нет бога, кроме Островского», и пророка его выше Садовского и провозглашали драматурга идеологом славянофильства. Другие, наоборот, упрекали автора в том, что выведенные им в «Доходном месте» взаимоотношения «не довольно омерзительны» или находили, что «слишком уж омерзительны».

Только в статьях Добролюбова на страницах некрасовского «Современника», произведения драматурга получили глубокую и всестороннюю характеристику.

«Островский умеет заглядывать в глубь души человека, — писал Добролюбов в статье «Темное царство». — умеет отличить натуру от всех извне принятых урств и наростов, оттого внешний гнет, тяжесть всей обстановки, давящей человека, чувствуется в его произведениях гораздо сильнее, чем во многих рассказах, официальной стороной дела совершенно заслоняющих внутреннюю, человеческую сторону...».

В 1856 г. драматург побывал на Волге. В результате этой поездки было создано лучшее произведение Островского — пятиактная драма «Гроза». Эта пьеса вызвала оживленную полемику в литературных кругах. Так, слышавший за «неподкупного человека» либеральный критик Н. Ф. Павлов утверждал, что русская народная жизнь может служить источником только для балаганских представлений, поэтому «Гроза» — не драма.

Добролюбов посвятил «Грозе» свою замечательную статью «Луч света в темном царстве», в которой не только тонко и остроумно высмеял несостоятельность критиков, подобных Павлову, но и отметил колоссальное значение новой пьесы Островского в русской драматургии.

«В этой драме, — писал Герцен о «Грозе», — автор проник в глубочайшие тайники необъятнейшей русской жизни и бросил внезапный луч света в неведомую душу русской женщины, этой безгласной, которая задыхается в тисках неумолимой и полудикой жизни патриархальной семьи».

Это было время, когда последние дни доживали самодуры «Грозы» Кабаниха и Дикой. Все смелее и тверже вступал в свои права капитализм, преобразуя внешний и внутренний облик домостроевского купца.

Тип буржуазных дельцов нашел яркое выражение в пьесах Островского «Горячее сердце» (Хлынов), «Бешеные деньги» (Васильков), «Волки и овцы» (Беркутов), «Бесприданница» (Кнуров) и других.

Разоблачая грубых хищников, расценивающих все на свете, вплоть до человеческих достоинств и таланта,

на деньги; осмеивая лицемерных, пошлых дворян, Островский с особой теплотой и симпатией рисует в своих произведениях бескорыстных тружеников, свободолюбивых, преданных искусству актеров, искренно любящих женщин.

Честный, трудолюбивый страпчий Маргаритов («Поздняя любовь») и добросердечный Жалов («Доходное место») влечат жалкое, нищенское существование; лишенный пустого хвастовства и позерства, трагик Несчастливцев («Лес») не находит истинного применения своему таланту.

Однако, несмотря на огромный успех, которым пользовались комедии и драмы Александра Николаевича на сцене, дирекция Императорских театров относилась к драматургу недоброжелательно.

Постоянные придирки цензуры, частые запреты постановок, низкая плата за произведения — все это привело Островского к мысли «писать хроники, но не для театра».

В 1873 г. драматург создал чудесную весеннюю сказку «Снегурочка», переложенную впоследствии на музыку.

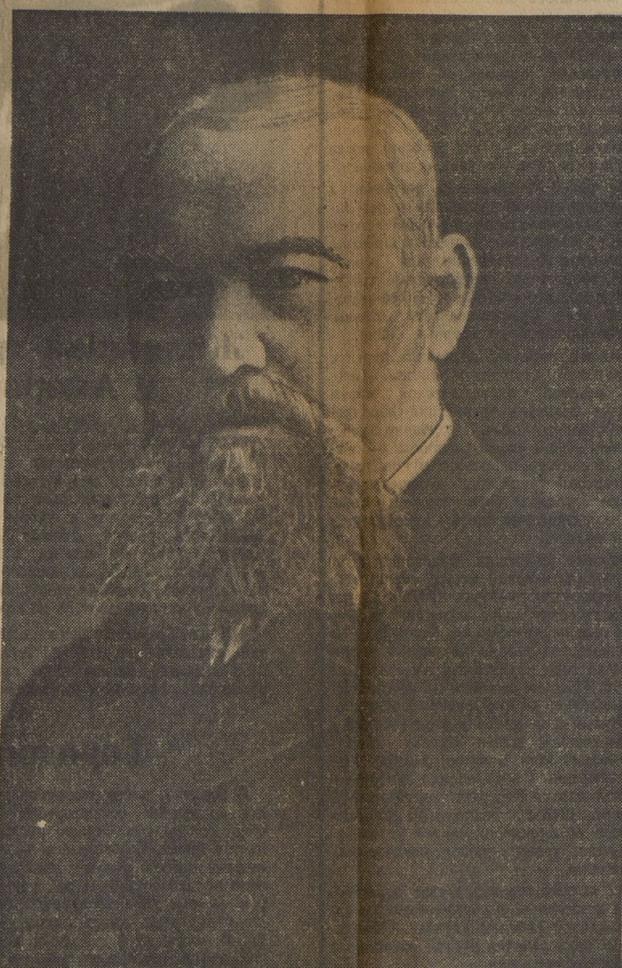
В 1874 году Островский организовал в Москве общество русских драматических писателей и оперных актеров. Цель этого общества — защита авторских прав от произвола монопольных казенных театров, создание национального репертуара, за который боролись Фонвизин, Пушкин, Грибоедов и Гоголь.

«Я задыхаюсь и захохотать без хорошего театра, как рыба без воды», — говорил Александр Николаевич. В 1881 году, когда монополия казенных театров была уничтожена, Островский подал прошение об основании в Москве русского народного театра, где бы зритель вместо пустого вульгарного водевиля мог увидеть серьезную жизненную пьесу.

Театр был разрешен. Однако мощенничество и спекуляция театральными дельцами, желавших нажиться на новом предприятии, заставили драматурга отказаться от создания частного театра. В 1885 году Островский становится начальником репертуарной части императорского Московского театра и директором театрального училища, но смерть прерывает деятельность драматурга в самом ее разгаре. Однако брошенное им зерно пошло в плодородную почву.

И сейчас, когда уже исчезли из русской жизни типы Большова, Тита Титыча, Кабанихи, Дикого и других людей «темного царства», пьесы А. Н. Островского не сходят со сцен столичных, периферийных и колхозных театров Советского Союза. Помимо самодуров, хищников и отживающих дворян, они показывают советскому зрителю прекрасных русских людей, честных тружеников, их борьбу за светлое будущее своего народа.

И. РОГАЛЬСКАЯ

В юбилейные дни

Завтра в помещении Художественного театра Латвийской ССР состоится общегородское торжественное собрание, посвященное 125-летию со дня рождения великого русского драматурга А. Н. Островского.

С докладом о жизни и творчестве драматурга выступит писатель Ю. Ваняг.

В заключение артисты рижских театров покажут фрагменты и отдельные сцены из пьес А. Н. Островского.

Государственная Центральная библиотека подготовила выставку произведений А. Н. Островского, а также критической литературы о нем.

На выставке представлены произведения драматурга, изданные на рус-

ском и латышском языках. Из них на латышском языке — пьесы «Бесприданница», «Свои люди — сочтемся», «Женитьба Белугина» и «Гроза». Из русских изданий большой интерес представляет собрание сочинений драматурга, изданное в 1896 году.

Значительное место на выставке занимают критические статьи и рецензии на пьесы драматурга, опубликованные на русском и латышском языках.

Всего будет выставлено около 100 экспонатов.

Латвийское Государственное издательство к юбилею А. Н. Островского выпускает красочный портрет драматурга.

Портрет сделан художницей Г. Вакис.

На клубной сцене

Готовясь к 125-летию со дня рождения А. Н. Островского, драмкружок Даугавпилсского железнодорожного техникума решил отметить эту славную годовщину спектаклем «Без вины виноватые». Руководитель драмкружка артист тов. Новиков, учитывая сложность пьесы, провел большую подготовительную работу, тщательно отобрал участников. Кручину играет учащийся Трофимов, Незнамова — Богданов, Дудукина — Ефимов, Мурова — Паберж, Шмагу — Массон. Все они усердно готовятся к юбилейным дням и предполагают поставить пьесу на молодежном вечере в техникуме, а затем и в других учебных заведениях города.

Много сил и труда вкладывает в работу руководитель драмкружка артист тов. Новиков.

М. ПЛЕСУНОВ

Здесь жил А. Н. Островский

Иной раз мартовские метели по свирепости не уступают февральским. И вот одна из таких метелей разыгралась, когда мы подъезжали к саду Шельково, где находится усадьба великого русского драматурга А. Н. Островского. Вихрилась сизая поземка. Стешные дали заволочили мглой. К счастью, машина одолела все препятствия, чинимые непогодой. Прогрешие, но воодушевленные победой над разыгравшейся стихией, мы — в Шельково.

Я пошел осматривать усадьбу. Дом, постройки, службы, очень древние и обветшалые, озаренные солнцем, вырвавшимся из-за клочковатых облаков, в этот час показались приветливо праздничными. Как любил великий драматург этот уголок Костромской губернии! Здесь ему, как нигде, хорошо отдыхалось и особенно хорошо писалось. Он почти каждое лето приезжал сюда и жил подолгу, часто до самой зимы.

Помнят ли здесь о нем? Я остановился на углу улицы, у колхозного амбара, пожилого крестьянина и спросил:

— Нет ли случайно какого-нибудь древнего старика, который бы лично знал Александра Николаевича Островского?

У него, видимо, не раз спрашивали об этом приезжающие в Шельково. Поэтому он, почти не задумываясь, скороговоркой, весьма вразумительно стал внушать мне:

— Вы, товарищ, сами посчитайте, сколько годков пробежало с той поры, как умер он. В 1886 году. Значит, четырнадцать лет прошлого века да приложите сорок восемь нынешнего, и выйдет шестьдесят годков с гаком. Стало быть, тот, кто мог его помнить, сейчас должен иметь лет девяносто. А таких у нас на селе я не ведаю.

Пока он говорил, я с величайшим удовольствием прислушивался к его костромскому говорку. Великий писатель так великолепно украшал им и из того красочный и яркий язык своих персонажей.

Колхозник, не желая конфузить меня за наивность вопроса, который я ему задал, глядя мне в лицо широко открытыми лучисто-серыми глазами, продолжал:

— Нет у нас стариков, помнящих Александра Николаевича, но как прежде они, так теперь и мы и детвора наша храним к нему особливое почтение. И то, что рассказывали о нем наши деды и отцы, не забывали. Обыкновенный рядовой колхозник, одетый в короткий дубленый полу-

шубок, говорил со мной звучным своеобразным языком, который составил неуязвимую прелесть стиля Островского, и боясь, что, высказав свои мысли, он уйдет, я придержал его за локоть и попросил рассказать, что же именно передается из поколения в поколение.

Прощаясь с ним, я спросил — какой дорогой лучше пройти на погост, где похоронен писатель.

— Это как раз по пути в МТС. Там недалече, в Николо-Борезьках поκειται его прах.

Нетрудно было сыскать среди простых могил и деревянных крестов мраморный памятник с лаконической, но много говорящей надписью «Александр Николаевич Островский». Дорога эта могла людям нашей необъятной Родины. И они будут приходить к нему отовсюду — с Камы, с Волги, с Москвы, далекой Сибири, Крыма, Кавказа, Белоруссии, прибалтийских городов и Дальнего Востока. Будут вспоминать его Катерину, Ларису, Дмитриевну, Кулигина, Варвару, Незнамова, Негину, Несчастливцева, Парашу — замечательных людей «горячего сердца», которые боролись против самодурства Диких, Кабановых, Хлынов, Курслеповых, Чебоксаровых, Паратовых, Кнуровых, Прибытковых, их деспотизма и мучительного гнета, боролись «вооруженным единственною силою своего чувства, инстинктивным сознанием своего прямого неотъемлемого права на жизнь» (Н. А. Добролюбов).

Наклонившись, я очистил от снега мраморную плиту над могилкой, на одном из углов могильного камня мне удалось разобрать строки, подустертые временем, напаранные чьей-то пророческой рукой.

Пройдут года, дойдет до делов
Во внукам труд почтенный твой,
И Пушкин, Гоголь, Грибоедов
С тобой венец разделят свой.

Примечательные слова этой своеобразной эпитафии полностью осуществились. Имя Островского поставлено народом в ряд с именами величайших русских писателей и поэтов.

Под вечер, в сумерках, когда за рекой, за стволками осен догорала ветреная заря, я возвратился в усадьбу Шельково и вместе с директором музея пошел в небольшую комнату, где умер драматург. Стулья, кровать, шкаф с книгами — все эти старые вещи напоминали о нем, рассказывали о днях и трудах того, в память о котором они здесь так бережно хранятся.

Г. СТЕПАНОВ-КУБАНСКИЙ